
АЛЕКСЕЙ НИКИТЕВИЧ

ГрГУ им. Я. Купалы, Беларусь, Гродно, anikit@inbox.ru

Что такое *голоменица* (парадоксы словообразовательного синтеза)?

В настоящей статье рассматриваются деминутивные образования в составе фрагментов диалектных лексико-словообразовательных гнезд. При исследовании деривационного потенциала русского диалектного слова, выявлении единиц, представляющих когнитивно значимые значения, определенный интерес представляют и различные производные модификационных и мутационных словообразовательных типов, в частности, первичные и вторичные деминутивы. В докладе, на материале различных объединений родственных единиц с учетом оппозиции литературный язык/говоры сравнительному анализу подвергаются не только отдельные производные, но и целые группы слов, которые в некотором количестве «порождены» одной словообразовательной системой и отсутствуют в другой.

The article examines the diminutive units in the structure of dialectal lexical word-forming nests fragments. In the study of the derivational potential of Russian dialectal words and units representing cognitively significant meanings, diverse derivatives of modificational and mutational word-forming types, particularly, the primary and secondary diminutives are of great interest. In the paper, on the material of various groups of related units, not only discrete derivatives but whole groups of words a number of which are produced by one word-forming system and are missing from the other are subjected to the comparative analysis taking into account the opposition “the literary language/dialects”.

Ключевые слова: деривация, диалектное слово, фрагменты словообразовательных гнезд.

Key words: derivation, dialectal word, fragments of word-building nests

Порой не только факты языка современного, но и говоры могут удивить словом как семантическим результатом словообразовательной техники. В силу различных обстоятельств название данной статьи появилось раньше, чем ее автор узнал о проблематике настоящей конференции («Уменьшительные имена в славянских языках: форма и роль»). Однако диалектное слово *голоменица*, на первый взгляд, деминутив по отношению к слову *голомена*, на самом деле таковым не является, что в принципе очень характерно для языка говоров. Может быть, и поэтому в статье

речь пойдет прежде всего не о деминутивах, следуя первоначальному авторскому плану, но и о деминутивах с учетом общей проблематики нашей конференции. При этом сам материал (язык говоров) в полной мере характеризуется подобными особенностями: есть немало слов – по образованию деминутивы, но фактически уже ими не являющиеся.

В диалектной речи прежде всего вызывает интерес процесс утраты уменьшительного значения. Как отмечает Ю. С. Азарх, «этот процесс может поддерживаться стандартностью размера обозначаемого деминутивом предмета: таковы дублиеты типа *ведро/ведёрко, дверь/дверца, дверка, ковш/ковшик* в ряде говоров. Утрату уменьшительного значения могут обусловить также неупотребительность производящего или развитие у последнего многозначности, вследствие чего разрушается оппозиция членов словообразовательной пары» (Азарх 2000: 116).

Полисемия производящего, развитие у него переносного значения влечет за собой и постепенное ограничение деривации от него деминутива (Дидковская, Черкасова 1973: 159–165). «Эти суффиксы поливалентны и участвуют в деривации слов с мутационным словообразовательным значением, универбатов атрибутивных словосочетаний, имен действия, равнозначных производящему глаголу, а также модификатов» (Азарх 2000: 117). И это, в свою очередь, дополнительно может влиять на процесс утраты деминутивизации. Еще М. Н. Янценецкая отмечала рост формальных деминутивов в современной разговорной и диалектной речи у конкретно-предметных имен (Янценецкая 1965: 76–81). См. также в работе (Гриб 1978: 131–134).

Любопытным аспектом исследования представляется анализ имеющих место в современных говорах определенных различий в функционировании первичных деминутивов. Некоторые исследователи констатируют наличие определенной связи между исторически сложившимися нормами речевого поведения и особенностями употребления уменьшительных образований. Так, в брянских говорах, по наблюдениям И. С. Куликовой, формальные деминутивы регулярны при общении местных жителей с незнакомыми городскими людьми. Употребление уменьшительных форм в подобной ситуации – своеобразное речевое выражение вежливости, уважительности по отношению к собеседнику (Куликова 1985: 14–16). Достаточно интересными представляются и результаты исследования Л. Л. Новиковой, в соответствии с которыми делается вывод о возрастании частотности деминутивов в экспрессивной функции при общении с детьми, при воспоминании говорящего о детстве и молодости, о событии, связанном с сильным эмоциональным переживанием, при общении человека с домашними животными (Новикова 1977: 50–70).

Вернемся же к нашему слову. Что такое *голоменица*? Почему именно это слово привлекло наше внимание? В (СРНГ, т. 6: 319) слово *голоменица* определяется не одним словом (например, синонимом), не словосочетанием, а посредством целого описания: 'Явление голоменицы состоит в том, что далекие предметы становятся ближе и яснее. Они как бы поднимаются. В голоменицу можно видеть то, что с данного места совершенно нельзя видеть при нормальных условиях. Голоменица – «очистка морок» и бывает во время перемены ветра'. Байкал., Станиловский, 1912. И, действительно, попробуйте найти однословное представление данного явления в современном русском литературном языке! Сравним также семантику, безусловно, родственного данной единице глагола *голументиться* 'Быть видимым; виднеться неясно', которая также сопровождается любопытным комментарием: «Видится какой-нибудь предмет, слишком далекий, чтобы можно было видеть, но вследствие особенного воздуха. Так мы видели Посольский монастырь в виде высокого белого здания, тогда как там только невысокая каменная стена; потом это пропало и опять стало видно». Иркут., Ровинский (СРНГ, т. 6: 343).

В говорах очень много слов с неясной морфемной структурой, лишь наполовину в этом отношении очевидных и потому, вероятно, интригующих дериватолога. Они не представлены в современной словообразовательной и морфемной лексикографии, даже если встречаются в текстах Национального корпуса русского языка, разметка морфемной структуры у специалиста вызывает немало вопросов, а то и просто лишь разочарование. Многие из этих слов «разминулись» и с этимологическими словарями. Другими словами: они очень интересны как по особенностям своего строения, так и по семантике. Они являются лучшей иллюстрацией на тему «язык носителей говора *в действии*», должны рассматриваться как «*деятельность*» (В. Гумбольдт) – удивительные и чрезвычайно содержательные попытки «освоения», осмысления окружающего мира.

Диалектное слово *голоменица*, как уже видно, содержит в себе корень слова *голый* (*гол-*) и интересно на фоне значительного числа единиц, относящихся к различным частям речи и представляющих фрагмент целого корневого гнезда. Семантика корня *гол-* 'голый, лишенный чего-либо' в русских народных говорах находит отражение в различных по степени родства словах. В частности, можно говорить о некотором количестве семантических «линий», которые реализованы в производных с корнем *гол-*. Семантика корня *гол-* (*голый*) очевидна в большинстве производных, характеризующих открытое («голое») пространство. Очевидно, что это «ведущая» семантическая линия для большинства производных:

1) семантика «свободного (голоого) пространства, промежутка в пространстве, чистого места»: *Голомянь* 'Открытое место, морская даль'. *Подставил я ему [ветру] щеку – востоком сказался, ветром тем не путным, что из самой-то голомяни* [из полярной дали моря] *от веков тянет*. Печор. Арх., Максимов, 1856. Арх., Помор. *Голыздина* 1. 'Открытое место в лесу; прогалина, поляна среди леса'. Челябин., 1914. 2. 'Голый лед или замерзшая земля без снега'. Челябин., 1914. *Голызина* 1. 'Лысина; залысина'. Урал., Малеча. 2. 'Плешина на меховой шкуре'. Урал., 1925. 3. 'Голое место на поверхности земли'. Кушум. Уральск., 1925. 'Голое место, вымоина, место, где нет травы'. Волог. Волог., Баженов. Волог., 1902. 'Плешь, плешина, пустое место'. Хворостань Ворон., Путинцев, 1905. *Кругом камыш, а тут голызина*. Роман. Рост. 4. 'Ничем не занятый или не охваченный при обработке участок земли'. Роман. Рост., Слов. карт. ИРЯЗ. *Голутва* 'Просека'. Влад., 1852. *Прогалина от природы, голутва вырублена*. Влад., Даль. *Голызнень* 'Безнадежно голое место'. Урал., Малеча. 1. *Голызня* 'Гладкая ровная поверхность, «голое место»'. *Дальше голызня пойдет, легче ехать будет* (на велосипедах). Урал., Малеча. *Голоменистый* 'Имеющий чистое пространство, промежуток между сучьями (о дереве)'. *Эки сосны-то голоменистые*. Черепов. Новг., Герасимов, 1910. *Голомёно* 'Чистое пространство, промежуток между сучьями, ветвями на дереве'. Черепов. Новг., 1853. *Голомёно* 'Колено дерева между двух сучьев, мутовок'. Новг., Даль. *Голомёно и колос у ржи и пшеницы*. Белозер. Новг., Орнатский, 1898. *Голомье (голомя)* я, ср. 1. 'Часть ствола сосны и ели, лишенная сучьев, промежуток между двумя рядами ветвей'. Опечен. Новг., 1920. Боров. Новг. 2. 'Часть соломины, отдельное сочленение'. Опечен. Новг., 1920. Боров. Новг. 1. *Голомя* 1. 'Часть ствола сосны или ели, лишенная сучьев, промежуток между двумя рядами ветвей'. Боров. Новг., 1923–1928. 2. 'Часть соломины, отдельное сочленение'. Боров. Новг., 1923–1928. 3. 'Ствол дерева без сучьев'. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.»]. *Снести макушку по самое голомя* (пословица). Даль [без указ. места]. 4. 'Открытое море', о *Голомя* и *голоми*. Север., Слов. Акад. 1895. Арх., 1850. «Выехав верст на 5–10, если рыба «бережная», чаще же гораздо дальше в «голомя», верст на 25–30, поморкорщик, на основании своих примет по разным точкам берега, находит подходящее для выметки яруса место, и ярус вытягивается длинной нитью по дну моря верст на 6 и более в длину». Изв. Арх. общ. изуч. русск. Севера, 1910. Беломор., Помор. Север. = *Голымя*. «Ветер относит суда далеко от берегов, в чистое море, по выражению тамошних мужичков-моряков – в голымя». Беломор., Озерецковский. Кольск. Арх., 1931. 2. *Голома, нареч.* 'На босу ногу'. *Голомя чтоль ушла?* Уфим., Талонов. *Голизина* 'Голое место в степи, в поле зимой'. Кокчет. Акм., 1928. *Голень* 1. 'Голое», не

нарезанное место на винте'. Петрозав. Олон., Куликовский, 1885. 2. 'Железный прут, из которого делается бурав'. Новг., Водарский. Сюда же, по-видимому, относится и слово *голомена*, *мн.* 'Перемежающиеся, часто сменяющие друг друга дождевые тучи или снеговые облака'. Княгин. Нижегород., Бутурлин.

При этом интересна конкретизация в семантике диалектных производных. Специфика процесса создания производного слова такова, что зачастую очень сложно предположить характер денотата, обозначаемого диалектным производным. Отчасти это может быть связано и с неясностью, неочевидностью морфемного (словообразовательного) состава слова.

В Этимологическом словаре русского языка А. М. Преображенского находим информацию к слову *голомя*: *Голомя* 'открытое море; часть дерева без сучьев; обнаженная сабля, клинок'; *голомянный* 'отдаленный от берега'; *голомень*, *оголоменить*... – По-видимому, из *голо-мѧ*, от *голь* [Преображенский 1910–1914, т. 1: 178]. В [СРНГ, т. 22: 336]: *Оголоменить*, *Оголоменить сосну* 'Соскрести с нее кору, хвойну, сочную мездру для пищи'. Даль [без указ. места]. В связи с этим следует, что, во-первых, исторически совершенно ясно преобразование из *голо-мѧ* в *голомена* и, следовательно, вряд ли корректно предполагать, что изначально здесь было сложение с корнем *мен-*. Однако семантика ряда производных свидетельствует именно о таком «переосмыслении» внутренней формы данного слова (*ремотивация* по О. И. Блиновой). Во-вторых, наличие глагола *оголоменить* позволяет рассматривать уже целый фрагмент группы родственных слов с определенным значением.

2) семантика «дали, расстояния»: *Голоменне*, *нареч.* 'Вдали от берега, дальше от берега, морем'. Беломор., Дуров, 1929. *Голыменистее*, *нареч.* 'Дальше от берега, в открытое море, на более глубоком месте'. Олон., Арх., 1823. *Голоменной* 'Отдаленный от берега, находящийся далеко в моря; мористый'. Помор., Беломор., 1929. < *Голоменной ветер* а) 'Северо-западный ветер'. Помор., Беломор., 1929. б) 'Ветер, дующий с моря'. Помор., Беломор., 1929; *Голоменной кубас* 'Крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929; *Голоменная рыба* 'Рыба, вылавливаемая на глубине, в открытом море'. Помор., Беломор., 1929; *Голоменной якорь* 'Якорь, придерживающий крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. *Голоменно* и *голомено*, *нареч.* 'Далеко от берега, в открытом море'. Арх., 1866. Беломор., Дуров [с замеч. «повсеместно»], 1929. Помор, *Голоменно идти*. 'Идти открытым морем вдали от берега'. Беломор., Дуров, 1929. Помор. Арх., 1844. Беломор., Север. *Голоменник* 2. 'Крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. Помор.

3. 'Якорь, придерживающий крайний в открытом море кубас (поплавок)'. Беломор., 1929. Совершенно очевидно, что в семантической структуре диалектного слова возможно наличие нескольких значений. В частности, в последнем примере семантику «дали, расстояния», в первую очередь, представляет 2-ое значение и частично 3-е.

В уже приведенных примерах можно было увидеть, что в ряде значений производных с корневой морфемой *гол-* наблюдается своеобразный синтез семантики «голового, открытого пространства» и «дали, расстояния». Яркой иллюстрацией данной особенности является метатекст к слову *голоменно* 'Открытое море'. *Поехал в голоменно* – поехал в открытое море, подальше от берега. Арх., Федоров, 1949.

Мотивационные тексты к некоторым родственным производным «проясняют» (либо свидетельствуют и о таком «прочтении») морфемную структуру слова *голомена*: здесь сочетаются две корневые морфемы (*гол-/голый/ имен-/менять/*). Об этом свидетельствует и ряд производных, представляющих семантику «промежутка во времени», которая находит отражение в значительном числе единиц, подавляющее большинство из которых – наречия. Ср.: *Голомена* ми, в знач. нареч. 'Попеременно, сменяясь через определенные промежутки времени; временами'. Даль [без указ, места]. *Снег идет голоменами*. Княгин. Нижегород., Бутурлин. *Голоменами, когда выюга зимой бывает позывами; небо чистое, а вдруг нашла туча, поднялся вихрь*. Мышк., Воскресен. Яросл., Леонов. *Голожъя, мн.* 'Промежутки времени'. Черепов. Новг., 1910. = *Голожъями*, в знач. нареч. 'От времени до времени, временами'. *Живем голожъями, – когда хуже, когда лучше*. Черепов. Новг., 1910. *Голожъясь, нареч.* 'Давно, давненько, даве, давеча, но того же дня; за несколько часов'. Вост., Южн., Даль. *Голомятаки, нареч.* 'Давно'. Каляз. Твер., 1861. *Голомятко, нареч.* 'Давно; давненько'. Бежец. Твер. *Это голомятко было, забыл все*. Урал., 1958. *Гололиственница* 'Время листопада'. *Снег выпадет на гололиственницу – быть легкому году – старинная примета*. Соликам. Перм., Миртов, 1930. *Голоморозный* 'Относящийся к голоморозице'. Даль [без указ, места]. Отдельного внимания заслуживают слова – деминутивы по образованию, но участвующие в «организации» совершенно иных значений. Ср.: *Голоморозица* 'Длительные морозы осенью, без снегу'. Переясл. Влад., 1853. Очевидно, что из рассматриваемых в данной группе примеров в большей степени мотивированными предстают сложные слова с компонентом *гол-*, о чем, в частности, свидетельствуют и два последних примера.

Если значительная часть производных в составе данного диалектного корневого гнезда в той или иной степени мотивирована семантикой ис-

ходной корневой морфемы *гол-*, то в ряде случаев наблюдается предельная идиоматизация семантики производного как своеобразная «конечная точка» словообразовательного синтеза, что выражается в появлении самых различных, никак не связанных, либо связанных косвенно с исходными, производных значений. Ср.: *Голудьба, собир.* ‘Замерзшие кучи земли осенью’. *По голудьбе не проедешь.* Смол., Иванова, 1958. *Голоменник* 1. ‘Северо-западный ветер’. Арх., Веселаго. Беломор., 1929. Помор. *Голоклетка* ‘Вид паневы’. «Нами установлены в этом районе следующие типы [панев], а именно: 6) Голоклетка – расшитая, носится молодухами в праздник». Нижнедев. Ворон., Гринкова, 1934. *Вторая панева голоклётка. Пропускалася белая бумага по ней.* Россошан. Ворон. *Голомёдный* ‘Голомедный пряник. Приготовленный на чистом меду, медовый’. *Голомёдные пряники.* Тихв. Новг., 1848. Новг. *Голомёдный пряник, не сусляный, а медовый.* Даль [без указ, места]. Ветл. Костром. *Голокост* ‘Свеча перед иконою’. «Слово не везде и не всеми там употребляемое, означает свечку, поставляемую перед иконою». Новг., Макаров [с пометой «старин.»], 1827, Новг., 1852. *Голошедь* ‘Гололедица’. Иркут., Якут., Корнилов. 1849. *Голызиться, несов.* ‘Надеяться’. Кинеш. Костром., 1858. Кто знает, может быть «лелеять пустые («голые») надежды», тогда мотивация корневой морфемой *гол-* очевидна.

Ряд производных (и это понятно) – это наименования лица: *Голядь* ‘Бедняк, нищий’. Говорят тому, у кого нет ничего и хвастает. Твер., 1860. *Гологузый* ‘Бедный, нищий’. «В переносном смысле: бедный, не имеющий состояния человек». Обоян. Курск., Машкин. *Голохват* ‘Нагловатый человек’. Охан. Перм., 1854. *Голодурье* ‘Дурак, дурачок, малоумный или взбалмошный, шальной’ человек. Даль [без указ, места].

Рассмотрим приводимые в (СРНГ) примеры некоторых производных, в которых корень *гол-* сочетается с компонентами, обозначающими части тела: *Голручьи и Голручья, мн.* ‘Голые руки без рукавиц’. Кем. Арх., 1910. *Голоручьем, нареч.* ‘Без рукавиц, голыми руками (делать что-либо)’. *Брать что-либо голоручьем.* Даль [без указ, места]. *Скота ли убираешь, на реке ли рубахи полощешь, все голоручьем.* Нижнеуд. Иркут., 1912. Это же значение представлено в следующих наречиях: *Голоручью, нареч.* ‘Без рукавиц, голыми руками’. *Рукавиц нету, голоручью работаю.* Арх., 1932. *Голоручь, нареч.* ‘Без рукавиц, с голыми руками’. *Голоручь ехать холодно.* Смол. Смол., Добровольский. *Голоруком, нареч.* 1. ‘Голыми руками, с голыми руками, без рукавиц’. *Брать что-либо голоруком.* Даль [без указ, места]. *Голоруком не берись – обожжешься. Шла зимой голоруком. Голоруком – значит без рукавиц.* Свердл. Верхне-Уфал. Челябин. ‘Без рукавиц и босиком’. Усть-Цилем. Арх., 1940. 2. ‘Голыми руками, без

оружия». Охан. Перм., 1930. Очень интересны конкретные дополнения и в последних двух случаях.

Голоногом, нареч. 'Босиком'. Соликам. Перм., 1930. *Голоногом ходят те, кто не имеет обуви из-за бедности.* Режев. Свердл. *Гологоляхой, нареч.* 'Босиком; без чулок'. *Гологоляхой-то бегут* (о физкультурниках). Верхне-Урал. Челяб., 1964. *Гологоляхом, нареч.* 'То же, что гологоляхой'. *Ты гологоляхом ходишь.* Коптел. Свердл. *Седния была на станции гологоляхом, ничто их чулки-то напеливать.* Зайков. Свердл., 1964.

Голобаший 'Остриженный наголо'. Как татарин голобаший. Усть-Коксин. Горно-Алт., 1965. *Гололобый 'Лысый'. Уж ты лысый, гололобый, поцелуй меня попробуй* (из поговорок и прибауток). Новое. Тул., 1897. Ворон. *Голомысый 'Безволосый или с очень редкими волосами на голове'.* Белг. Курск., 1891. «Не имеющий (от природы) волос на голове, безволосый или безбородый». *Заходит к мене: как глянула – весь голомысый.* Троснян. Орл., 1947–1953. Тарус. Калуж. *Голоухом, нареч.* 'С непокрытой головой, без шапки, без платка'. Шадр. Перм. [год и автор неизвестны]. С открытыми ушами. *А ты голоухом, а я в шапке.* Коптел. Свердл. *Шапка на затылке, идет голоухом.* Верхне-Тавд. Свердл., 1964.

В целом ряде случаев можно отметить диалектные слова-деминутивы по образованию, в которых семантика деминутивности напрочь отсутствует, однако сами по себе значения заслуживают внимания. Ср., например, в составе следующих фрагментов лексико-словообразовательных гнезд:

Гололёдка 'Обледеневший снег, падающий крупинками'. Моросила гололёдка. Мцен. Орл., 1848. *Гололёдка идет – падает мерзлый, похожий на град, но очень мелкий снег, вместе с дождем. Явление это бывает обыкновенно осенью.* Калуж., Чернышев. Моск. Что-то вспоминается про 40 названий снега у народов Севера! *Гололедить 'Покрываться льдом, леденеть'. Безл. Гололедит на дворе – идет дождь и замерзает.* Судж. Курск., Резанова, 1915.

Голомысовато, нареч. 'Плохо прикрыто, выступает наружу, выдается под покрывкой'. Болх. Орл., Сахаров, 1901. *Голомысовка 'Село на голом, не имеющем растительности месте'.* Ворон., Тростянский. Слова-сложения в большей степени мотивированы. В первом (да и во втором!) слове очевиден и компонент *мыс*. В последнем слове есть суффикс деминутивности *-к-*, однако семантика его никак не ощущается!

Голошейка 1. 'Женская рубашка без рукавов или с очень короткими рукавами и открытым воротом'. Ряз., Бонина. У самих великорусов долго

бытовал старый тип общей для восточных славян рубахи с прямым разрезом ворота, без воротника – голошейки. Маслова [без указ, места]. || Кофта с открытым воротом. Ворон., Тростянский. *Кофты шились с глухими воротами, и есть голошейки*. Урал., 1964. 2. ‘Женщина с открытой шеей’. Даль [без указ, места]. Ворон, Тростянский. *Голошейница* ‘Модница’. «А патрамонницы, *голошейницы* да *корзинницы* жеманно распевают по станицам свои лакейского изделия романсы». Дон., Савельев, 1866 [с пометой «*пренебр.*»].

Голоколоска ‘Сорт пшеницы с колосом без остей’. «В пшенице различают несколько родов, из которых в особенности замечательны арнаутка и голоколоска». Дон., Опис. земли донск. казач. за 1822–1832 гг. *Голоколоска без усиков родится*. Емельян. Калин. Шадр. Норм. *Голоколоска – пшеница с голым колосом. Белоколоска да голоколоска ей званье*. Тюмен. Тобол. Новосиб., Кемер. *Раньше сеяли голоколоску-пшеницу, наверно и сейчас еще сеют*.

Голоуша ‘Женщина, идущая с непокрытой головою, с открытыми ушами’. Сиб., 1893. *Голоушью, нареч.* ‘С непокрытой головой, без платка’. Онеж., 1931, Калинин [с примеч. «про девушку»]. *Голоуший* ‘С непокрытой головой, с открытыми ушами, голоухий’. Юрьев. Влад., Чернышев. Петр., Красноуфим. Свердл. *Уши не прикрывает, голоушим ходит, всю зиму голоушим проходил*. Ирбит. Свердл. *Виктор! Ты почему голоушим ходишь?* Параб. Том.

Достаточно частыми являются случаи, когда формально родственные диалектные слова представляют территориально различные области и по отношению друг к другу предстают как семантически изолированные образования. Ср.: *Голохваст* ‘Хвастун’. Пошех., Молог. Яросл., 1849. Черепов. Новг.» «Хвастливый бедняк, выказывающий себя богатым». Слов. Акад. 1847. || Прозвище крестьянина. Черепов. Новг., 1898. *Голохвастить, несов., неперех.* ‘Шататься, слоняться без дела’. Пенз., Даль. *Голохвостить, несов., неперех.* ‘То же, что голохвастить’. *Перестань голохвостить-то, а примись-ко за дело*. Городищ. Пенз., 1852. Пенз., Даль [с вопросом к слову].

Следует заметить, что при сопоставлении фрагментов гнезд с корнем *гол-*, приведенных в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова и в СРНГ, в первом из них можно отметить и ряд диалектных слов. Ср.: *гололедка, гололедь* и др. [Тихонов 1985, т. 1: 239–240].

Сложений с компонентом *гол-*, как можно было убедиться, в русских народных говорах невероятное множество! И многие из них представля-

ются очень неясными с точки зрения выявления внутренней связи между их строением и представляемым значением... И все это в большинстве случаев неясно, странно, туманно, некая с точки зрения исследователя «голоменица»!

Удивительно, но актуальность значения, представляемого словом, вынесенным в заглавие, в системе языка, необходимость его однословного представления находит свое подтверждение посредством совершенно иного «материального воплощения»! Ср.: *Завременить* 'Изменить свой вид или показаться менее удалённым под влиянием преломления лучей (о предметах на море, у моря)'. Арх. На море *завременило*, играет марево, вид предметов искажается пламенением воздуха. *Завремениться*. Берег *завременился*. Острова *завременились* (СРНГ, т. 9: 342).

ЛИТЕРАТУРА

- Ю.С. АЗАРХ, 2000: *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. – М., Наука – 178с.
- В.Т. ДИДКОВСКАЯ, А.Г. ЧЕРКАСОВА, 1973: *О лексико-семантической соотносительности производящих субстантивов и производных деминутивов // Системность русского языка*. Новгород.
- М.Н. ЯНЦЕНЕЦКАЯ, 1965: *К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью // Учен. зап. Том. ун-та. № 57*.
- Р.Т. ГРИБ, 1978: *Уменьшительно-ласкательные слова в говоре и литературном языке // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров*. Красноярск.
- И.С. КУЛИКОВА, 1985: *Экспрессивное и эмоциональное в диалектном слове (на материале Словаря брянских говоров) // Брянские говоры: Диалектное слово и аспекты его изучения*. Л.
- Л.Л. НОВИКОВА, 1977: *Деминутивы существительных в устно-разговорной диалектной речи (на материале говоров Ярковского района Тюменской области): Дис. ... канд. филол. наук*. Куйбышев.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров, 1965–2010*. – М.-СПб.: Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. исследований РАН. Вып. 1–43.
- А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1910–1914: *Этимологический словарь русского языка*. В 2 т. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко. – Т. 1–2.
- А.Н. ТИХОНОВ, 1985: *Словообразовательный словарь*. В 2 т. – М.: Русский язык. – Т. 1–2.

SUMMARY

What is *Golomenitsa* (the Paradoxes of Word-Building Synthesis)?

In the study of various fragments of dialectal lexical word-forming nests, it is possible to reveal the units representing cognitively significant meanings and having no one-word equivalents in the Russian literary language. The analysis of synthesized fragments (literary language/dialects) of such groups of related units allows drawing interesting conclusions about the derivational potential of the Russian language as a whole.